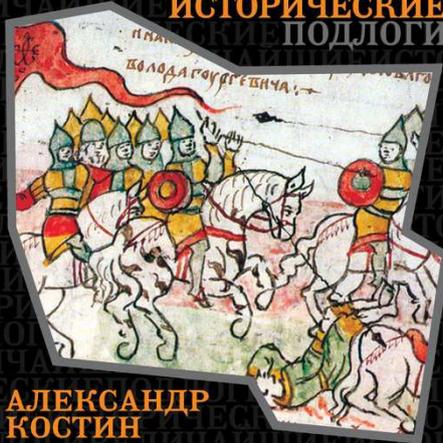

ВЕЛИЧАЙШИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОДЛОГИ

АЛЕКСАНДР
КОСТИН

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ –
ПОДДЕЛКА
ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Александр Георгиевич Костин
Слово о полку Игореве
– подделка тысячелетия
Серия «Величайшие исторические подлоги»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7366898

*Слово о полку Игореве – подделка тысячелетия / Александр Костин.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0760-7*

Аннотация

Более двухсот лет прошло со дня публикации литературного шедевра «Слово о полку Игореве», но авторство великого произведения установить так и не удалось. В захватывающую, едва ли не детективную историю вовлекается читатель с первых страниц книги.

Первое упоминание о «Слове» датировано 1797 годом. Рукопись «Слова» сохранилась только в древнерусском сборнике, приобретённом в начале 90-х гг. XVIII века одним из коллекционеров графом Алексеем Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита упразднённого к тому времени Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иоиля. Единственный известный науке средневековый текст «Слова» сгорел в 1812 году, что дало повод сомневаться в подлинности произведения.

Автор книги А. Костин доказывает, что «Слово о полку Игореве» – величайшая подделка в истории русской литературы. Оказывается, «Слово» было написано не в XII веке, а на 500 лет позже.

Содержание

Предисловие	4
Глава I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Георгиевич Костин

Слово о полку Игореве

– подделка тысячелетия

Светлой памяти выдающегося советского историка Александра Александровича Зимина, «вычислившего» одного из «Троянов» – коллективного автора «Слова о полку Игореве», – посвящается.
«Испытание “Словом...”» Очерки А. Л. Никитина

Предисловие

Воспитание «слоВом»

В Советском Союзе (России), наверное, каждый человек рано или поздно, в той или иной степени, соприкасался с поэтической жемчужиной – «Словом о полку Игореве», далее для краткости будем говорить о «Слове». Произведение изучалось в 8 или 9 классе средней школы на уроках «Русской (Советской) литературы», а поскольку в стране практически была решена задача всеобщего среднего образования, то послевоенное поколение советских людей не только читало «Слово», но отдельные его фрагменты заучивало наизусть. Старшее поколение людей слышало о «Слове» от своих детей и внуков, когда те «проходили» «Слово» согласно школьной программе, заучивая отдельные фрагменты наизусть. В течение всей своей жизни мне не приходилось встречать ни одного человека, который бы абсолютно ничего не знал об этом шедевре. Мало того, всякий раз, когда по той или иной причине возникал разговор о «Слове», окружающие тебя люди замолкали разом, лица людей облагораживались и после небольшой паузы кто-то обязательно, сначала тихонечко, как бы вспоминая что-то близкое, заветное, начинал декламировать: «Нелепо ли ны бяшетъ, братие...» и т. д., кто сколько мог, вспоминал заученные когда-то наизусть в школе бессмертные строки зачина «Слова». Затем начинался шумный разговор на тему – кто может больше вспомнить строк памятника старины. Кто-то пытается наизусть прочесть «Плач Ярославны», другой с «пятое на десятое» пытается пересказать «Мутный сон Святослава» и т. п. Иногда в такой компании «попадался и настоящий «словолюб», который под всеобщее одобрение зачитывал наизусть целые фрагменты из повести, а затем делился своей радостью, что недавно по случаю приобрел редкий экземпляр такой-то книги о «Слове», с текстом «Слова» и обширным комментарием к нему. Иногда между участниками этой, стихийно возникшей дискуссии завязывались дополнительные связи, как то: у кого-то оказался на руках редкий экземпляр книги о «Слове», и он с удовольствием даст ее почитать или снять ксерокопию; у кого-то вообще оказалось два «двойника» некоей книги со «Словом», и он может уступить один экземпляр и т. д., и т. п. Расходились после подобной дискуссии, немного стесняясь друг друга, что чуть было не впали в детство, с одной стороны, и в то же время как бы повязанные друг с другом невидимыми нитями светлой памяти о своем прошлом, о своей родине – с другой.

Мне здорово повезло на самом первом этапе знакомства со «Словом», которое состоялось на первом уроке литературы в 8-м классе. Наш классный руководитель, он же учитель литературы, Анатолий Анатольевич, зашел в класс в каком-то приподнятом настроении в тщательно отглаженной полувоенной «форме одежды» (он был участник войны и инвалид II группы, потерявший на фронте правую руку и левый глаз) и торжественно заявил, что сегодня мы приступаем к изучению литературного памятника Древней Руси – «Слова

о полку Игореве». Потом он как-то вдруг преобразился, встал к классу полубоком, вскинул вперед свою единственную руку и начал наизусть читать: *«Нелено ли ны бяшетъ, братие...»*.

Класс затих, слышен был только шорох листьев за открытыми окнами (было начало теплой осени) да жужжание пролетающих мух. Мне казалось, что притихшие ученики, равно как и я сам, думали и переживали за то, не забудет ли А. А. какую-нибудь строку и не станет ли заглядывать в учебник. Где-то на 10-й минуте урока это чувство исчезло, и теперь все внимание было сосредоточено на том, чтобы вникнуть в слова этой песни, понять хотя бы отдаленно их смысл. Слова завораживали, звали в какую-то неизвестную даль, казалось даже, что они гипнотизировали нас. И когда было произнесено слово «Аминь», казалось, что класс вздрогнул, очнувшись от гипнотического сна, еще минута – и раздалась оглушительные аплодисменты. Класс встал, провожая учителя, поскольку на этом урок был окончен. Все сделали вид, что не заметили, как А. А., выходя из класса, прикладывал своей единственной рукой белоснежный носовой платок к своему единственному глазу. Видимо, многое вспомнилось ему, пока он в течение 45 минут вводил нас, сельских мальчишек и девчонок, в священный мир героического эпоса русского народа, концентрированно воплощенного в нескольких страничках невзрачной на вид книжицы, которую он, видимо на всякий случай, держал перед собой в левой руке.

Потом, гораздо позже, уже в 10-м классе, на одном из уроков кружка «словолюбов», который в течение трех лет вел А. А., он рассказал историю появления у него в левой руке на первом уроке по «Слову» той самой «невзрачной книжицы». Оказывается, учитель прошел с этой книжицей всю войну, поскольку получил ее вместе с винтовкой в первый же день пребывания на фронте. Как боевую реликвию, мы передавали ее из рук в руки, кто-то даже понюхал, не пахнет ли она порохом той страшной войны. Обратили внимание на то, что брошюра выпущена в 1941 году военным издательством, на последней странице которой было оттиснуто: «Бесплатно».

Я вздрогнул, когда в середине 70-х годов в журнале «Наш современник» прочитал следующие строки из эссе «Память» В. Чивилихина: **«К сожалению, нет у меня первого военного издания «слова» с пометкой «бесплатно», которое выдавалось политрукам, командирам и бойцам перед уходом на фронт вместе с оружием...»**¹. Дело в том, что много лет спустя после «счастливых школьных годов», уже в довольно солидном возрасте, повинувшись ностальгическому чувству по «малой родине», я посетил родные места и родную школу, из которой вышел убежденным «словолюбом». В школе по-прежнему работал кружок «словолюбов», члены которого попросили меня выступить с воспоминаниями о своих школьных годах, о том, как был организован этот кружок, который готовился отмечать 25-летие своего существования. Члены кружка хранили память о создателе и первом руководителе кружка, рассказали мне трогательную историю, выжавшую из глаз скупую мужскую слезу. Война, тяжелые ранения, да и нелегкая послевоенная жизнь подорвали здоровье учителя, и три года назад в возрасте 58 лет он скончался. Но самое трогательное из этого рассказа заключалось в том, что в своем завещании он просил похоронить его в военной форме и положить в гроб партийный билет и ту самую невзрачную книжицу с грифом «Бесплатно» на последней странице мягкой обложки.

Сказать, что термин «словолюб» сродни некоей хронической болезни, – значит ничего не сказать. Сколько бы ни была болезнь тяжелой и продолжительной, ее все-таки врачи пытаются лечить, да и сама она порой надолго отступает, чтобы затем внезапно напомнить о себе в качестве обострения.

¹ В. А. Чивилихин. Память. Роман-эссе // Собр. сочинений в 4 томах. Том 3. Книга первая. М., «Современник», 1985. С. 581.

«Словолюб» – это болезнь, возникающая один раз и навсегда. «Словолюб» – это постоянный поиск книжных новинок и раритетов, где хотя бы мельком что-то сказано о «Слове». «Словолюб» – это хронический конфликт с домочадцами в поисках дополнительных уголков в квартире, где можно было бы повесить очередную полку со старыми и новыми изданиями «Слова», альбомов с ксерокопиями статей и вырезок из периодической печати с материалами о «Слове». В преддверии 800-летия события, послужившего основой создания «Слова», и в течение нескольких лет после юбилея на «словолюбов» обрушилась буквально лавина книг, статей, научных изысканий, всевозможных интервью со специалистами по «Слову», «словистами», что ограничиваться одной двумя полками уже было невозможно. Приходилось изыскивать места для установки книжных шкафов, которые стремительно заполнялись все новыми и новыми изданиями.

Но «словолюб» не унимается и никогда не уймется, он будет продолжать искать чего-то такого, что есть у знакомого «словолюбца», а у него нет. Прекрасные слова об этой «болезни» сказал Владимир Чивилихин, и трудно удержаться, чтобы не привести их в качестве одного из симптомов «заболевания»: *«Покупаю новинки и антиквариат, какой встречу, вымениваю дубли, с благодарностью принимаю подарки от авторов, выпрашиваю иногда чуть ли не на коленях и не дошел еще разве только до воровства и сквалыжного зажиливания»*².

В. Чивилихин гордился тем, что в его коллекции есть дореволюционное издание «Слова» из серии «Всеобщая библиотека», с восхищением описывая содержание этой малоформатной книжицы в 82 страницы, «...вместившие предисловие, статью об истории открытия и первой публикации поэмы, подлинный ее текст, прозаический перевод, поэтическое переложение В. А. Жуковского, отрывки из переводов Л. А. Мея, А. Н. Майкова, И. И. Козлова, Н. В. Гербеля, обзор критической литературы о «Слове», научное описание похода князя Игоря историка С. М. Соловьева и краткое изложение содержания поэмы, принадлежащее перу Н. М. Карамзина. Удивительно емкое, предельно простое, дешевое и... драгоценнейшее издание! Дело в том, что оно было общедоступным, *шло в народ*, потому что стоило всего 10 копеек. Для сравнения относительного определения реальной стоимости гривенника в книжной торговле тех лет снимаю с полки компактный и плотный справочный томик 1906 года издания – «Флора Европейской России», 4 рубля 50 копеек. В сорок пять раз дороже!»³.

Солидарно с В. Чивилихиным испытываю гордость, что и в моей коллекции имеется эта книжечка, правда, изданная в 1907 году 6-м изданием «...безъ перем#нь И. Глазунова», но уже в другой серии: «Русская классическая библиотека, издаваемая под редакцією А. Н. Чудинова», с подзаголовком «Пособіе при изучении русской литературы», выпуск 1-й, и ценой уже в 30 копеек. Стоимость книжки возросла, но и времени прошло после 1-го издания (1895 год) около 12 лет, да и революционные годы (1905—1907) росту экономики не способствовали, а инфляцию раздували. Это была первая книга серии, в которой предполагалось опубликовать 50 произведений русской и зарубежной классики, начиная с «Летописи Нестора», «Слова о полку Игореве», «Былин» и «Русской народной лирики» и заканчивая зарубежной классикой от «Нибелунгов», «Поэм Оссиана» до Байрона и Сервантеса. Интересно отметить, что Планом предусматривалось издание трудов Кантемира, Хераскова и Сумарокова, но в нем почему-то не нашлось места для М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского.

По мере погружения в содержательную часть поэмы и историю Древней Руси и тех исторических событий, на фоне которых родился литературный шедевр, который по меткому выражению А. С. Пушкина *«...возвышается уединенным памятником в пустыне нашей*

² В. А. Чивилихин. Там же. С. 579.

³ Там же. С. 579—580.

древней словесности», неизбежно возникало желание узнать, кто же автор «Слова»? Академик Б. А. Рыбаков как-то заметил, что «чем гениальнее то или иное поэтическое произведение, тем больше хочется узнать о его авторе, ощутить его человеческие черты. Исследователи давно уже думают над тем, как устранить эту «тягостную безымянность» “Слова о полку Игореве”»⁴. Желание было так велико, что сразу же после первой публикации памятника появилось несколько «обоснованных» гипотез об авторах «Слова». Прежде всего, называли современников событий 1185 года, в той или иной степени приближенных к князю Игорю и Великому Киевскому князю Святославу Всеволодовичу. Это мог быть:

- а) летописец одного из этих двух князей;
- б) монах в монастыре Игореве княжества;
- в) песнопевец при князе;
- г) грамотный дружинник Игоря, участвующий в походе;
- д) его родственник или родственница;
- е) наконец, сам князь Игорь, эту версию активно развивал В. Чивилихин.

Все эти версии, попеременно или сразу по несколько, выдвигались известными исследователями памятника. Конкретно по именам, кроме князя Игоря, называли, например, галицкого «книжника» Тимофея, упомянутого в летописи под 1205 годом, несмотря на то что этот «книжник» говорил исключительно церковными притчами, цитировал Апокалипсис, в то время как создатель поэмы с благородной смелостью пренебрег всеми церковными канонами, зато часто упоминал славянских языческих богов. У него даже русские люди – потомки языческого Дажь-бога. Был предложен в авторы галицкий «словутый певец Митуса», упомянутый в Галицко-Волынской летописи как «древле гордый певец Митус», но оказалось, что «митуса» не собственное имя, а обозначение церковного певчего – регента. Кроме того, все исследователи представляют себе автора «Слова» человеком зрелых лет, умудренного опытом, может быть, уже в «серебряной седине», как и воспетый им Святослав, а «словутый певец» упомянут в летописи спустя 56 лет после того, как в 1185 году, по мнению большинства исследователей, была написана поэма «по горячим следам». Если этому «Митусе» в 1241 году было, например, 75 лет, то «Слово» он «написал» в 19—20 лет.

Назывался в числе авторов тысяцкий Игорь – Рагуйла; другие исследователи считали более подходящим сына тысяцкого, бывшего вместе с Игорем в плену. Писатель Иван Новиков соединил сына тысяцкого с упомянутым выше знатоком Апокалипсиса Тимофеем и получил в результате такого противоестественного слияния имя и отчество автора «Слова» – Тимофей Рагуйлович⁵.

Сам академик Б. А. Рыбаков в качестве автора «Слова» выдвинул летописца «Мстиславова племени» – боярина Петра Бориславича, большого знатока военного дела, дипломата и одного из лучших летописцев XII века. Свои летописные рассказы Петр Бориславич обильно документировал копиями княжеских договоров, княжеской перепиской, выписками из походных дневников князей⁶. Несмотря на то что Петру Бориславичу академик посвятил солидную монографию, он, как истинный ученый, не исключает, что автором «Слова» мог быть кто-то из придворных летописцев, более или менее талантливых в сравнении с Петром Бориславичем. По крайней мере, он называет еще пять летописцев второй половины XII века, которые были современниками, иногда даже единомышленниками главного героя «Слова о полку Игореве». «Все они, к сожалению, безымянны, но ученые давно уже научились преодолевать эту средневековую анонимность: если летописец, говоря о ком-либо в

⁴ Б. А. Рыбаков. «Кто же автор “Слова о полку Игореве”?» // «Наука и жизнь», 1972. № 10. С. 51.

⁵ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве и его автор. М., «Советский писатель», 1938. С. 70—83.

⁶ Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., «Молодая гвардия», 1991. С. 269—285.

третьем лице, сообщает о нем слишком много подробностей, то очень вероятно, что в этом случае летописец говорит о себе, называя себя «он». Все имена летописцев условны.

«ГАЛИЧАНИН» – молодой летописец, работавший, вероятно, под руководством Петра Бориславича при дворе Рюрика. Составил повесть о походе Игоря в 1185 году, в которой стремился выгородить, оправдать неудачливого князя. В повести много поэтических мест. Очень внимателен к шурина Игоря – Владимиру Галицкому.

МОИСЕЙ. Игумен Выдубицкого монастыря в Киеве. После Петра Бориславича был придворным летописцем Рюрика Ростиславича. Им написаны (это выявил еще историк М. Д. Приселков) некрологи всех Ростиславичей, братьев Рюрика, и составлен фундаментальный летописный свод около 1198 года, куда вошли труды всех перечисленных в данном списке летописцев. Сам Моисей отличался склонностью к церковной поэзии. Им составлена хвалебная речь в честь Рюрика, соправителя Киевского княжества наряду со Святославом Всеволодовичем.

ЛЕТОПИСЕЦ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДИЧА (он так и остался анонимным). Церковник, писавший тяжеловатым языком, неумеренно льстив, враждебен (как и его князь) к Игорю. Во времена соправительства Святослава и Рюрика (1176—1194 годы) Петр Бориславич широко пользовался летописью этого автора.

ПОЛИКАРП – летописец князей «Ольговичей» (главным образом отца Игоря), человек бесталанный, склонный к хозяйственным записям; он подробно описывал, что пограбили враги у его князя, сколько копен сена сожгли, сколько угнали стадных кобыл.

КУЗЬМИЦЕ КИЯНИН – придворный Андрея Боголюбского и горячий сторонник этого князя, оставивший подробную и полную драматизма повесть об убийстве Андрея. Жил и писал он в Боголюбове и, возможно, в Чернигове, а в Киев попала лишь его рукопись. Уснащал свой текст церковными изречениями⁷.

Назывались в качестве авторов «Слова» следующие имена: «Ходына» – песнетворец «старого времени»; Кочкарь – княжеский милостник; воевода Ольстин Олексич; тысяцкий Мирошка Надзилович. Поименованы в качестве «авторов» «Слова» практически в полном составе близкие родственники князя Игоря: Евфросиния Ярославна, жена князя Игоря; князь Рыльский Святослав Олегович, участник похода, племянник Игоря; Агафья Ростиславна – вдова князя Олега Святославича, невестка Игоря; великий князь Киевский Святослав Всеволодич, двоюродный брат Игоря; Владимир Ярославич, князь Галицкий, брат Ярославны, шурин Игоря; также называли безымянного внука певца Бояна (известна надпись в Святой Софии Киевской о покупке Бояновой земли у этого внука супругой князя Всеволода Ольговича, умершей в 1179 году. Эта «Боянова земля» упоминается в Киеве еще в XVII веке).

Среди экзотических версий были, например, такие, как:

автор «Слова...» – половец, нехристианин, возможно из тех, что пришли на Русь с Кончаковной – невесткой князя Игоря;

автор – европеец, с поэтическим опытом французских песен о Роланде и скандинавских саг, случившийся на Руси по торговым или посольским делам. Отсюда – отсутствие православных форм, обязательно имевших место во всех русских источниках;

автор – католический миссионер, засланный на Русь римским понтификом после разделения церквей в 1054 году (Русь формально не участвовала в этой расправе греческой и римской церквей);

автор – греческий монах или певец, знакомый со светской византийской поэзией и увлеченный русскими народными сказаниями;

автор – сам русский народ, а записанное «Слово...» – это позднейшая литературная обработка народных былин, песен и плачей о походе и пленении русского князя.

⁷ Б. А. Рыбаков. Упомянутая статья в журнале «Наука и жизнь». С. 55—56.

Известный казахский поэт Олжас Сулейменов, написавший скандально-известную книгу «Аз-и-Я», считал, что вообще нет смысла выяснять автора XII века, поскольку большую роль в создании текста играли переписчики. Переписчики, если это не касалось священных текстов, искажали первоначальный текст, изменяли слова, если менялся их смысл, приближали произведение к современному им читателю. Он пишет: «*Мы вправе считать «Слово» памятником языка и поэзии двух эпох – XII и XVI веков – и относиться к Переписчику не как к бездумному копиисту, а как к творчески активному интерпретатору, редактору и в некоторых случаях – соавтору*». В споре «верующих» в подлинность «Слова...» и скептиков Сулейменов занимает промежуточное положение, считая, что известный нам текст – это «совместное» творчество человека, жившего в XII веке, и множества переписчиков вплоть до XVI—XVII веков. Как мы постараемся показать в данном сочинении, в известной степени О. Сулейменов оказался прав.

Примерно такой же точки зрения придерживался известный советский литературовед-«словист» Игорь Петрович Еремин (18.IV.1904—17.IX.1963 годы), который утверждал, что «*попытки определить имя автора «Слова о полку Игореве» бесцельны, так как мы не располагаем никакими данными для решения этой проблемы*»⁸. Еремин подчеркивал необходимость бережного отношения к тексту «Слова»:

«*...ближе к тексту первого издания! – вот лозунг, которым должны, как мне кажется, руководствоваться и издатели «Слова», и его переводчики*». Он решительно возражал против гипертрофированной критики древнерусского текста «Слова»: «*Следует положить конец конъектурным поправкам там, где это не вызывается необходимостью, то есть где текст первого издания понятен и сам по себе, без какого-либо вмешательства с нашей стороны. Обилие поправок, часто ненужных, недостаточно обоснованных, – серьезная угроза “Слову о полку Игореве”*»⁹. И еще одну ценную мысль высказал Еремин, считая, что несколько «темных» мест «Слова о полку Игореве», в частности: «...у Пл#сньска на болони, б#ша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю»; «И схоти ю на кровать и рекъ...»; «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля п#створца старого времени Ярослава Ольгова коганя хоти...» – исправлению не поддаются, и все предложенные толкования не могут быть признаны удовлетворительными. Поэтому, полагает он, эти отрывки должны оставаться при издании древнерусского текста «Слова» в чтении Первого издания, а в переводах и переложениях их следует опускать. То есть, по его мнению, эти и ряд других фрагментов «Слова» настолько «испорчены» переписчиками, что нет никакой возможности восстановить их первоначальный текст. Невольно возникает вопрос: а уж не искусственного ли происхождения эта «порча»? В дальнейшем мы постараемся показать, что И. П. Еремин был в нескольких шагах от объяснения «природы» этих необратимых искажений текста «Слова».

Как видим, среди «предлагавшихся» на авторство «Слова» кандидатур фигурируют в основном духовные лица и близкие к этой категории летописцы, которые в большинстве своем были монахами. Однако серьезные исследователи этой проблемы считали, что автором повести может быть только мирянин. Так, Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» высказал твердое убеждение, что «Слово» написано, «без сомнения, мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные»¹⁰. Тем не менее недавно Б. И. Зотов высказал мысль, что автором «Слова» был хорошо известный церковный деятель XII века Кирилл Туровский, поучения, торжественные слова и молитвы которого отличаются высокой художественностью. Однако и эта кандидатура не нашла поддержки у большинства исследователей.

⁸ И. П. Еремин. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 215—281.

⁹ И. П. Еремин. Лекции и статьи... С. 105—106.

¹⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского. М., 1816—1817, в 8 томах. Т. 3. С. 215.

Псковский историк-краевед В. Михайлов выдвинул в авторы «Слова» писца псковского Пантелеймонова монастыря Домида – фигуру весьма известную в «словистике», о чем речь еще впереди.

Не раз к образу автора «Слова» обращались писатели и поэты в художественных произведениях. И. А. Новиков на основе своей гипотезы об авторстве «Слова» написал повесть «Сын тысяцкого» (1938 год). Князю Святославу Рыльскому, как автору «Слова», посвящена повесть А. М. Домнина «Матушка-Русь. Сказание» (1958 год). В повести А. Н. Скрипова «Рождение песни» (1977 год), очевидно, под влиянием гипотезы И. А. Новикова, автором «Слова» выступает сын тысяцкого Труан. Кстати, в этой повести Скрипов выдвинул интересную идею, что князь Игорь затеял свой поход вовсе не ради грабежа половецких кочевий, а чтобы «...возвратить дедовские земли и стать твердой ногой на берегах Сурожского (Азовского. – А. К.) и Русского (Черного. – А. К.) морей». Эта идея, что называется, «с порога» была отвергнута одним из выдающихся представителей ортодоксальной школы Д. С. Лихачева О. В. Твороговым. Однако она получила дальнейшее развитие в трудах некоторых исследователей истории создания «Слова о полку Игореве», о чем речь пойдет в I главе нашего сочинения.

В рассказе Ю. Плашевского «В конце века» (1979 год) автор «Слова о полку Игореве» – поэт-воин Вадим Славята. А кто не зачитывался великим творением Владимира Чивилихина, романом-эссе «Память», и не следил, затаив дыхание, как писатель подводит читателя к мысли, что автор «Слова о полку Игореве» не кто иной, как сам князь Игорь Святославич, крещеный Георгием Николаевичем?

Объединяет всю эту многочисленную рать кандидатов в авторы «Слова о полку Игореве» то обстоятельство, что все они из того же времени, когда произошло само событие, послужившее основой для создания «Слова», то есть из конца XII века. Споры исследователей о датировке написания «Слова» вращались вокруг 1185—1187 годов, в конце концов, пришли к согласию, что все юбилеи «Слова» следует отсчитывать от 1185 года, то есть с даты самого похода князя Игоря в Половецкую Степь. Если кто-то «покушался» на то, чтобы пересмотреть вопрос о времени создания «Слова», тогда, спрашивается, 800-летний юбилей в 1985 году по решению международной организации ЮНЕСКО весь мир отмечал по поводу какого события? Получается, что по поводу неудачного, сепаратного похода какого-то заштатного руководителя, незначительного Новгород-Северского княжества, подвассального даже не Великому Киевскому, а всего лишь Черниговскому княжеству! А это уже международный скандал! Зачем так грубо вводить в заблуждение мировую общественность, если вы, русские, за 200 лет после Первого издания «Слова» не можете разобраться даже в том, в каком веке жил автор «Слова о полку Игореве»?

Понятно, что авторы подобных идей автоматически становились изгоями, их презрительно обозвали «скептиками», что в «переводе» на русский язык означает «Фома Неверующий». А «скептики», в свою очередь, окрестили своих оппонентов, твердо придерживающихся мнения о древнем происхождении «Слова» (т. е. 1185 годом), тоже неблагозвучным словом – «ортодоксы»¹¹, что на русском языке звучит как «упертый».

Кстати, в XIX веке, на протяжении которого шли непрекращающиеся баталии по поводу датировки создания «Слова о полку Игореве», между «ортодоксами» и «скептиками» сложились вполне мирные отношения, они весьма корректно и дружески относились друг к другу, памятуя, что в научных спорах рано или поздно родится истина. Никому и в голову не приходила мысль отмечать в 1885 году юбилейную дату – 700-летие бесславного похода князя Игоря в Половецкую степь. «Скептиков» в ту пору было гораздо больше, чем «ортодок-

¹¹ *Ортодоксия* (греч. orthodoxyia) – неуклонное, строгое следование какому-либо мировоззрению, учению, направлению. Например, ортодоксальный марксист.

сов», и основой их скептицизма было то обстоятельство, что автор слова буквально игнорировал все христианские каноны, избрав в качестве «духовного обрамления» памятника языческих богов. Именно по этой причине до конца жизни убежденными «скептиками» были великие русские писатели Л. Н. Толстой и И. А. Гончаров.

Ситуация резко изменилась в советское время, когда над «скептиками» навис топор идеологической гильотины. Но сначала несколько слов по поводу того, кто сказал «а», т. е. кто же прославился в качестве первого «скептика»? Нынешнее поколение россиян не знает, а иные хотя и знали, но давно позабыли, что в советское время ни одна научная статья, монография, доклад на научной конференции и т. п. не могли быть опубликованы, если в самом начале произведения, да и по ходу его не приводились цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма. При этом совершенно неважно, о какой науке идет речь, будь то вопросы языкознания или истории, квантовой механики или ориенталистики (востоковедения), химии или акушерства и гинекологии: присутствие цитаты из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а до Хрущевской «оттепели» – И. В. Сталина было обязательным, а «освещение» их роли в той или иной области знаний – обязательным ритуалом.

Возьмем, к примеру, замечательную статью доцента Е. В. Матвеевой, которую мы будем широко комментировать по ходу нашего исследования. Речь в ней, в частности, пойдет о строительстве Петром I новой столицы в самом начале XVIII века. Зачин у автора статьи по этому поводу вполне исторически понятен: «Обстановка политическая и экономическая в России была сложной. В 1700 году под Нарвой русские потерпели поражение». Как не подкрепить этот пассаж словами классика? И тут же следует: «Нарва была первой большой неудачей поднимающейся нации, умевшей даже поражение превращать в орудие победы, – пишет К. Маркс. – Он (Петр) воздвиг новую столицу на первом завоеванном имкуске Балтийского побережья»¹². Конечно, лучше Маркса не скажешь, и пропуск статьи в научный журнал был обеспечен.

Любознательный читатель:

– Извините, но при чем здесь К. Маркс и возведение Санкт-Петербурга, если речь шла об авторах «Слова о полку Игореве»?

Прежде чем ответить на вопрос читателя, заранее оговоримся, что подобные диалоги с «Любознательным читателем» будут встречаться и далее по ходу изложения материала нашего исследования. Возможно, кто-то захочет уличить нас в плагиате, а потому признаемся, что этот литературный «инструмент» мы позаимствовали у глубоко чтимого нами Владимира Алексеевича Чивилихина – вечная ему светлая ПАМЯТЬ!

А К. Маркс здесь вот при чем. Это в последние двадцать с небольшим лет можно свободно писать о «Слове» без ссылки на Маркса. А до начала 90-х годов прошлого столетия в любой книге, статье, докладе, школьном учебнике по русской литературе нельзя было обойтись без цитаты, взятой из письма К. Маркса к Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 года, в котором он определил идею древнерусского памятника следующим образом: «Суть поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ».

Нашествие на Русь «собственно монгольских полчищ» под руководством хана Батые (Бату-хана) началось в 1237 году, и никакой пророк в своем отечестве за 50 с лишним лет в 1185 году не мог даже в страшном сне увидеть, что принесет это нашествие на Русскую землю, тем более призвать русских князей к единению для отпора грозному противнику. А это означает, что К. Маркс полагал, что призыв мог прозвучать во временном интервале с 1223 по 1237 год. То есть после поражения объединенного русского воинства на реке Калке в 1223 году, не сумевшего отбиться от небольшого отряда монгольских воинов, руководи-

¹² Е. В. Матвеева. Пушкин и Тредиаковский // Ученые записки Ленинградского Государственного института им. А. И. Герцена. Том 76. 1936. С. 187.

мого Субудаем и Джебе, после утомительного перехода по берегу Каспийского моря, сразу же после покорения Персии и Закавказья. А причиной поражения и была как раз разобщенность русских князей, которые чаще ненавидели друг друга и жестоко воевали друг с другом, чем были готовы объединенными усилиями в союзе с половецкими ханами, которые обратились к ним за помощью, отразить превентивное нападение на южные границы Руси татаро-монгол.

Таким образом, все советские ортодоксальные исследователи «Слова», обильно цитируя К. Маркса, рубили собственными руками сук, на котором весьма комфортно сидели. Если «ортодоксы» косвенно признавали, что автор «Слова» «призывал» «русских князей к единению» где-то в середине 20-х годов XIII века, то почему бы советскому правительству не «назначить» празднование 800-летнего юбилея не в 1985 году, а, скажем, в 2025-м, тем более что авторитет Карла Маркса в СССР был непререкаем. Ведь недаром же сказал В. И. Ленин по поводу авторитета основателя учения, носящего его имя: *«Учение Маркса все-сильно, потому что оно верно!»*. Так что безымянный автор «Слова», согласно учению К. Маркса, после первой кровавой стычки с татаро-монголами на реке Калке в 1223 году, но еще до нашествия Батыеа своим литературным шедевром предупредил князей: *«Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени...»*, то есть кончайте междоусобные войны, готовьтесь объединенными усилиями встретить грозного неприятеля! И знак им подал, что с вами может случиться то, что случилось с князем Игорем на реке Каяле, то есть с его потомками на реке Калке. Вот откуда взялась эта непонятная река КАЯЛА:

КАЛКА

КАЯЛА

Всего-то нужно было заменить в слове из 5 букв одну сдвоенную букву «К» на букву «Я», и тогда из неблагозвучного названия реки «КАЛ+КА» возникает виртуальная река КАЯЛА, как бы от глагола «КАЯТЬ» с ударением на втором слове «Я» – это Я вам говорю «Уже понизить...» и т. д. А может, самолюбие взвырало, как у той лягушки-путешественницы: *«Это Я придумала!»*

Идею К. Маркса о переносе даты написания «Слова» на 40 лет вперед активно поддержал Л. Н. Гумилев, который переносит дату написания «Слова» еще на 25 лет вперед, полагая, что оно написано было в 1249—1252 годах. Эту идею он изложил в главе «Опыт преодоления самообмана» из книги «Поиски вымышленного царства». По мнению Гумилева, прозападнически настроенный автор «Слова» сочинил «политический памфлет» в осуждение «протатарской политики» Александра Невского, опиравшегося на союз с сыном Батыеа ханом Сартаком. Автор, таким образом, пытался побудить Александра выступить против татар в союзе с западными соседями. «Важное датирующее значение для Гумилева, – пишет В. М. Богданов, – имеет слово «хины», встречающееся в «Слове» трижды. По его мнению, этот термин может соответствовать «названию чжурчженской империи Кин – современное чтение Цзинь – золотая (1126–1234 годы). Замена «к» на «х» показывает, что это слово было занесено на Русь монголами, в языке которых нет звука, соответствующего букве «к». Но тогда возраст этого сведения не XII век, а XIII, и не раньше битвы при Калке – 1223 год, а, скорее, позже – 1237-й». Таким образом, согласно гипотезе Гумилева, под «хинами» надо понимать татаро-монгол Золотой Орды, и, следовательно, сам сюжет «Слова» – не более как шифровка». Гумилев также сформулировал свой основной принцип, согласно которому в средневековых исторических произведениях «всегда идет преобразование реальных исторических лиц в персонажи. ... В художественном произведении фигурируют не реальные дея-

тели эпохи, а образы, под которыми бывают скрыты вполне реальные люди, но не те, а другие, интересующие автора, однако не названные прямо»¹³.

Если К. Марксу вольность с датировкой «Слова» сошла с рук, то Л. Н. Гумилеву досталось по полной. Кто только не «пинал» Льва Николаевича, даже всеми уважаемый В. А. Чивилихин прошелся по нему с «хлыстиком», чем авторитета себе, увы, не прибавил.

Конфронтация между «ортодоксами» и «скептиками» возрастала по мере «движения» даты создания «Слова» из века в век и достигла своего апогея, когда «скептики» дружно заявили, что автора «Слова» следует искать в XVIII веке. Эпоха Возрождения, пришедшая в Европе на смену мрачному средневековью, докатилась до России только в XVIII веке вместе с реформами Петра I.

Российская культура и, прежде всего, литература сбросили наконец-то с себя вериги клерикализма, появилась светская литература, которая бурно ворвалась в культурную жизнь России. Появились талантливые писатели, поэты, ученые русского происхождения («... может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов (Ньютонов) Российская земля рождать» провозгласил М. В. Ломоносов).

Но и в этом случае в досоветское время противостояние между «ортодоксами» и «скептиками» носило мирный, отнюдь не агрессивный характер. За исключением, пожалуй, непримиримой пары: А. С. Пушкин – М. Т. Каченовский, которые, по выражению самого Александра Сергеевича, «... бранивались, как торговки на вшивом рынке». Однако после публичной дискуссии, состоявшейся между ними 27 сентября 1832 года в одной из аудиторий Московского Университета, они вдруг помирились, о чем Пушкин немедленно сообщил в письме к Наталье Николаевне от 30 сентября 1832 года из Москвы в Петербург. В письме он сообщает: «На днях был я приглашен Уваровым в Университет. Там встретился с Каченовским, <...> разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех присутствующих потекли слезы умиления. Передай это Вяземскому»¹⁴. Так-то вот!

Но в советское время отношение к «скептикам» было сродни отношению к «врагам народа». Первым активно выступил французский славист – «словист» Андре Мазон, выдвинувший в качестве кандидата в авторы «Слова» самого графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина.

Как иностранному члену АН СССР, ему многое прощалось, но при этом ряды советских «словистов-ортодоксов» плотно сомкнулись, критические перья были заострены, и в конечном итоге было «обнаружено» столько «неопровержимых» фактов древнего происхождения «Слова», что на А. Мазона просто махнули рукой.

Однако в начале 60-х годов в «скептики» «напросился» известный советский историк Александр Александрович Зимин, который почитай с математической точностью «вычислил», что автором «Слова» является архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль Быковский, у которого якобы в конце 80-х годов XVIII столетия А. И. Мусин-Пушкин приобрел протограф «Слова о полку Игореве».

Вот уж на этом «скептике» «ортодоксы» оттоптались на полную катушку, о чем у нас речь впереди. Гонение было столь жестким и последовательным, что ученый в 1980 году в 60-летнем возрасте ушел из жизни.

Недаром гласит народная мудрость, что словом можно не только ранить, но и убить человека. Хотя справедливости ради следует отметить, что перед А. А. Зиминим все-таки вроде бы формально извинились, издав в 2006 году, по прошествии 26 лет со дня смерти ученого, его капитальный труд «Слово о полку Игореве». Мало того, предисловие к книге

¹³ В. М. Богданов, Н. В. Носов. «Слово о полку Игореве» – великая мистификация. СПб., М., ИД «Нева», 2005. С. 22–23.

¹⁴ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. Том десятый. Письма 1831–1837 годов. М., «Художественная литература», 1978. С. 105.

написал О. В. Творогов, ставший после смерти академика Д. С. Лихачева главным «словистом»-«ортодоксом» страны. Характерен заключительный пассаж ответственного редактора книги – того же О. В. Творогова: *«А. А. Зими́на нельзя упрекнуть в том, что какая-либо из проблем «слововедения», существенная для решения вопроса о датировке и атрибуции памятника, обойдена его вниманием. Его книга – наиболее полный свод возражений защитникам древности «Слова», и без ответа на все эти доводы и сомнения А. А. Зими́на нельзя, на мой взгляд, в дальнейшем бестрепетно рассуждать о времени создания памятника. Но если аргументация автора – самого основательного из «скептиков» – окажется неубедительной, то это будет означать, что у скептического отношения к древности «Слова» осталось мало шансов на будущее»*¹⁵.

Написав последнее предложение своего заключения о книге А. А. Зими́на, О. В. Творогов, на наш взгляд, слегка лукавил, поскольку он прекрасно знал, что не далее как в 2004 году вышло первое издание книги академика А. А. Зализняка, в которой он камня на камне не оставил от концепции А. А. Зими́на, что автором «Слова» мог быть архимандрит Иоиль Быковский. Во втором издании книги (2007 год) и особенно в третьем (2008 год) он, с привлечением достижений лингвистической науки за последние полтора-два столетия, убедительно показал, что автором «Слова» мог бы стать некий аноним, вобравший в себя все эти достижения, например, сам А. А. Зализняк, если бы он со своими знаниями оказался в XVIII веке. Однако, как истинный ученый, он оставил за собой открытую дверь, что появление такого гения в XVIII веке все-таки возможно, но с исчезающе малой вероятностью, практически равной нулю.

Мало того, маститый академик, ставший лауреатом Государственной премии России за свой подвижнический труд, с вдруг «вскипевшей яростью благородной» обрушился на мрачные времена, «...когда свободная конкуренция версий <о подлинности или поддельности «Слова».- А.К.> была невозможна: версия подлинности СПИ («Слова».- А.К.) была фактически включена в число официальных научных постулатов, сомнение в которых было равнозначно политической нелояльности»¹⁶. Дальше – больше, возмущение академика нарастает: «Как уже отмечено выше, в советскую эпоху версия подлинности СПИ была превращена в СССР в идеологическую догму. И для российского общества чрезвычайно существенно то, что эта версия была (и продолжает быть) официальной, а версия поддельности СПИ – крамольной. В силу традиционных свойств русской интеллигенции это обстоятельство делает для нее малоприятной поддержку первой и психологически привлекательной поддержку второй. А устойчивый и отнюдь еще не изжитый советский комплекс уверенности в том, что нас всегда во всем обманывали, делает версию поддельности СПИ привлекательной не только для интеллигенции, но и для гораздо более широкого круга российских людей»¹⁷.

Наконец, возмущение академика достигает апогея, он, конечно же, защищает гонимых властью гениальных «скептиков», указывает на конкретного виновника гонения: «И, конечно, убийственную роль для репутации этих работ <ортодоксальных «словистов».- А.К.> у читателей играет лежащее на них клеймо советской цензуры, которая практически не допускала прямого цитирования А. Мазона или А. А. Зими́на. Бесчисленные страстные доказательства подлинности «Слова» подразумевали наличие некоего коварного врага, который стремится обесчестить эту гордость советского народа и о котором по советской тради-

¹⁵ О. В. Творогов. О книге А. А. Зими́на. Предисловие к книге А. А. Зими́на «Слово о полку Игореве». СПб., «Дмитрий Буланин», 2006. С. 7.

¹⁶ А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., «Рукописные памятники Древней Руси», 2008. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 27.

ции читателю не положено было знать сверх этого почти ничего; даже имена врагов предпочтительно было заменять безличным «скептики»¹⁸.

Этими словами, да вовремя сказанными, можно было бы серьезно помочь гонимому в середине 60-х годов А. А. Зимину, но... помощь и поддержка последовали слишком поздно.

Любознательный читатель:

– Помилуйте, насколько мне известно, Андрею Анатольевичу в середине 60-х годов и тридцати годов не было.

Имя его еще мало кому известно было. Он только в 1967 году выпустил свой первый научный труд «Русское именное словоизменение». Кто бы прислушался к голосу молодого, только начинающего ученого?

– Согласен с вами. Мало того, случись такое, что начинающий ученый выступил бы в защиту А. А. Зимины, тогда, возможно, мы никогда не узнали бы его в роли крупного ученого с мировым именем, поскольку он не только преподавал на филологическом факультете МГУ и к середине 80-х годов написал около десятка книг, многие из которых переведены на иностранные языки, но преподавал и выступал с лекциями в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа, Женевы, а также в Италии, Швейцарии, Германии, Австрии, Англии и Швеции. То есть к середине 80-х это был уже ученый с мировым именем, и голос его в защиту яростно гонимых «скептиков» наверняка был бы услышан.

Речь идет о том, что в преддверии празднования 800й годовщины «написания» «Слова о полку Игореве» разгорелся грандиозный скандал по поводу публикации в журнале «Новый Мир» статьи ровесника А. А. Зализняка – писателя, историка и литературоведа Андрея Леонидовича Никитина¹⁹. Основная идея статьи А. Никитина «Испытание “Словом”...» заключалась в том, что огромное количество загадок и «темных» мест «Слова» объясняется тем, что это не оригинальное произведение XII века, а компиляция более раннего произведения поэта XI века Бояна, о чем автор «Слова» и заявляет в «Зачине»: «а не по замышлению Бояню». При этом, утверждает А. Никитин, некий переписчик искажил фразу, вставив в нее частицу «не». То есть А. Никитин выступил в роли «скептика – назад», сдвинув датировку повести на целый век назад. А. Н. Никитин считает, что Боян, впервые упомянутый в «Слове», вовсе никакой не гуслир и не певец, а талантливый писатель – прямой потомок болгарского царя Симеона. Это о нем упоминает надпись на стене Софийского собора в Киеве, сделанная в XI веке. В ней речь идет о покупке земли княгиней Всеволодовой у некоего Бояна. Таким образом, утверждает А. Никитин, «произведение Бояна»... послужило «матрицей» для автора «Слова» и было посвящено событиям 1078—1079 годов – борьбе сыновей князя Святослава Ярославича против *Всеволода и Изяслава Ярославичей* и их детей. Методом исключения Никитин приходит к выводу, что главным героем этого произведения был *Роман Святославич* «Красный», которого автор «Слова» заменил князем Игорем точно так же, как Святослава Ярославича – *Святославом Всеволодовичем* и т. д. Основной причиной, по которой «произведение Бояна как нельзя лучше подходило для целей автора» «Слова», Никитин считает то обстоятельство, что неудачному походу Романа Святославича против Всеволода Ярославича в 1079, как и походу князя Игоря, предшествовало солнечное затмение. Именно это, пишет он, «сыграло решающую роль в выборе, благодаря чему заурядная пограничная вылазка Игоря, окончившаяся к тому же поражением, оказалась сюжетом не только поэмы, но и достаточно обширных летописных статей», так как, утверждает Никитин, «согласно представлениям той эпохи, героизм обоих князей заключался отнюдь не в опрометчивом выступлении с малыми силами против превосходящего по численности врага..., не в личной

¹⁸ Там же. С. 27—28.

¹⁹ А. А. Никитин. Испытание «Словом...». «Новый мир», №№ 5, 6, 7. 1984.